

11. Фурман І.П. Віцебскія мастакі-гравёры [Афармленне Е.С.Мініна].— Віцебск, 1928.— 27, [2] с.: іл.

12. Фурман І.П. Крашаніна: Матар'ялы да гісторыі яе ў Віцебшчыне / Пад рэд. і з працм. М.І.Каспяровіча; Мастацкі нагляд і малюнкi ў тэксце Е.С.Мініна.— 2-е выданьне.— Віцебск, 1925.— 63 с.: іл.— Бібліягр.: 6 назваў

13. Шлюбскі А. Крашаніна (набіванка) / Пад рэд. і з працм. М.Каспяровіча.— Віцебск, 1926.— 32 с.: іл.— Бібліягр.: 9 назваў.

Баранова А.С., доцент,
Минский государственный
лингвистический университет
Ярмолич С.Я., студентка, *Белорусский*
государственный педуниверситет

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Грамотность, просвещение, образование на восточно-славянских землях расширились благодаря деятельности Кирилла и Мефодия, других религиозных и светских деятелей. Белорусские просветители сделали очень много для распространения книг, грамотности, воспитания любви к книге, образования. Ф.Скорина призывал каждого человека читать, так как книга — “зерцало жития нашего, лекарство душевное, утешение всем опечаленным, наиболее же тем, которые оказываются в бедах и в болезнях”. Псалмы, содержащиеся в книгах, “душу и смысл освещают, гнев и ярость умирляют, мир и покой чинят, тоску и печаль отгоняют, познание... дают, людей в приязнь вводят, ласку и любовь укрепляют...”

Во времена Ф.Скорины главным источником всех познаний была Библия. Просветитель писал: “Библия... порусски переводится: книга... В сей книге всей природы мудрости

начало и конец... В сей книге описаны все законы и права, которыми люди на земле должны руководствоваться. В сей книге все лекарства, душевные и телесные, полностью найдете... Тут учение о семи свободных науках достаточное". Ф.Скорина отмечал, что, читая Библию, можно изучить грамоту, грамматику, логику, риторику, музыку, арифметику, геометрию, астрономию, военное дело. Книги для него были средством распространения знаний и добрых нравов. В притчах, изложенных в книгах, скрыта мудрость, как "сила в дорогом камне, как золото в земле, как ядро в орехе. Кто ее найдет, тот найдет милость и получит благословение от господя, и придет к нему все доброе вместе с нею, хвала и честь бесчисленная силою ее. Ибо она есть мать всех добрых дел и учитель всякому доброму умению. В ней воистину есть дух разумности святой, единый, различный, смысленный, скромный, яркий, движущийся, неоскверненный, истинный, сладкий, чистый, постоянный, мягкосердечный и всякую иную имеющий в себе добродетель". Такова в его понимании была сила книжного просвещения, поэтому издательской деятельности Ф.Скорина посвятил свою жизнь, видя в этом значительность, необычайную важность для дальнейшего существования народа.

Деятель белорусской культуры, педагог Сымон Будный большое значение придавал книге, слову, образованию на родном языке. В послании к князьям Радивиллам он отмечал, что "Ваши княжеские милостям... две книги... написаны и поданы, а именно тем, которые сейчас сердцем молоды для пробуждения у них любви к слову... А также для того, чтобы Ваши княжеские милости не только иностранный язык почитали, но также... и тот издавна славный славянский язык изволили полюбить и им тешились бы. Справедлива ибо мысль есть, чтобы Ваши княжеские милости изволили любить язык того народа, в котором наши давние предки и... отцы ваших княжеских милостей славно ответственные должности исполняют..."

Белорусский просветитель Василь Тяпинский выступал за получение знаний на родном языке. “Рад показать веру мою, которую имею главным образом народу своему русскому (белорусскому). Те ее тем давним веком славную предков своих искусством... как надеюсь, подтвердят, если в чем ошибочна, то они исправят... которая из славянского, чтобы им также и их собственным языком русским (белорусским) из печати вышла”, — писал просветитель. Он стремился к распространению книг на родном языке, не жалел для этого ни сил, ни средств. “Из скудного своего имения народу моему прислуживаю, на которой и также при ней и на меньице, хотя ж оно было невеликим для издержек, и особенно книг старых давних из разных и неблизких мест доставая, — сверх того еще в прошедшие годы тяжкие пути — дороги для печатания, а право все до того заново начиная, — хотя, очень также перед тем в долги залезая”, — таков был тяжкий путь просветителя к распространению грамотности на родном языке. Его очень беспокоило, что учителя не знают родного языка: “Что может быть жалостнейшим, что безобразно уродливым, что и те, которые между нами называются духовными учителями, смело скажу, еще меньше им не владеют, еще меньше его понимания не знают и в нем не учатся, но даже и школы для его изучения не имеют, ради чего в польские либо в другие письмена за такой неволей не только себе и детей, не без стыда своего, чтобы только услышали, немало приучают?.. Кто не вынужден плакать, видя языка своего славного запущенность и просто презрение, с которого... такая ясная их в слове божьем мудрость, которая была им почти как врожденная, когда от них отошла, а на ее место в тех местах такое оплаканное неумение пришло, что уже некоторые и письменности своей... стыдятся?” Он призывал уважать свою письменность: “Но хотя бы письмена свои... уважали...”.

В. Тяпинский с благодарностью отзывается о просветительской деятельности Кирилла и Мефодия — славянских просветителей, создателей славянской азбуки:

“Действительно, кто хотел бы и умел тот перевод читать, тот увидел бы, что наш милый славянин (Кирилл) превосходил и должно быть за собою оставил латинских и иных толмачей (переводчиков) как он из греческого переводил собственно слова, что трудно понять, каким языком, греческим или славянским, он больше владел”. Кирилла и Мефодия он называет учителями, показавшими пример перевода слова божьего на родной язык. Они “сами одни то доказали, что, согласно науки апостольской, своим собственным языком от так давнего времени слово божие перевели, имели и нам покинули. В чем все иные народы едва ли даже не до нашего столетия усмотрели их пример и то не без малого расстройства и оскорбления, пришли к тому, что слово божие и латинских и иных письменностей также своим прирожденным языком перевели и читать начали”.

Расширение просвещения В.Тяпинский связывал с развитием школ на родном языке. Он писал: “Вот бы к науке,— но не такой, как ныне на вечный свой срам только прочести и то едва в своем языке всего учатся,— школы заложить и науку слова божьего за многие годы запущенную вознести братии вашей хотели и старались”.

Белорусские просветители создавали учебники, учебные пособия. Ян Лициний Намысловский является автором учебных пособий на латинском, польском, немецком языках. Он написал учебник по логике, а также учебное пособие “Нравоучения для общего пользования в жизни...”, которое он издал в честь подающих надежду юношей, своих учеников.

Гуманистический характер просветительской деятельности Яна Лициния Намысловского проявился в подходе к своим ученикам: в честь одного из них он издал учебник, в честь других, искушенных в тевтонской речи, перевел немецкими стихами то, что сказано на латинском и польском языках, чтобы наряду с изучением сентенций ученики совершенствовались знания в немецком языке.

С.Ф.Рысинский посвятил свою жизнь изучению родного языка, речи простых людей. В этом он видел важное средство развития просвещения, нравственного, умственного воспитания. Он учил своих учеников видеть увлекательные образы, с помощью которых поэты стремятся воспитать нравы людей, совершенствовать умение тех, кто пользуется речью. Просветитель советовал при чтении поэтов изучать свойственные им фигуры и изречения, их своеобразные и красивейшие по построению рассказы, творения, остроумные истории, прибаутки, выражения. Он очень ценил народные пословицы и считал, что если пользоваться пословицами в соответствующем месте и времени, то удастся смягчить и склонить к пониманию тех, кто не внемлет убедительным и неопровержимым доказательствам философов. Он надеялся, что чрезвычайно тяжелый труд (собираание пословиц), потребовавший многолетних усилий, будет приятным и полезным юношеству и тем, кто слабо владеет народным языком, так как из острых народных словечек кратким путем узнают и объясняют природу вещей, формируют нравы, получают поучительные сведения о жизни людей. С.Ф.Рысинский собирал пословицы не путем чтения книг, а в ходе долгого общения с людьми и вдумчивого поиска.

Очень важной для просвещения была деятельность Лаврентия Зизания, который издал книги “Азбука”, “Лексис”, “Грамматика словенска”, “Катехизис Великий”. Эти книги оказали большое влияние на развитие культуры в Беларуси, на Украине, в Литве и России. “Лексис” Л.Зизания был своеобразной первой славянской энциклопедией, где давались краткие, но ценные сведения по истории, астрономии, географии, биологии, медицине, философии, юриспруденции и другим наукам, представлены педагогические и психологические термины, рассмотрены вопросы обучения и воспитания. “Грамматика словенска” Л.Зизания — первый учебник по славянской грамматике. Этот учебник был широко распространен в Беларуси, Литве, на Украине и в России.

Л.Зизаний был достойным продолжателем дела Кирилла и Мефодия. В “Послании старательным ученикам и всем любителям славянского языка, благозвучного и распространенного” он отмечал: “... прежде всего ради любви к братьям своим я решился на дело выше моих сил — вновь написать и выпустить из печати первую среди семи наук — грамматику любезнейшего нам славянского языка, хорошо изучив которую, каждый может уверенно читать и без сомнений понимать книги на славянском языке и правильно писать, поскольку она — ключ к пониманию, она избавляет от двусмысленностей и развеивает всякие сомнения и в то же время украшает и просвещает человеческий разум. Благодаря ей риторика и словесность вместе с чистой философией и естественным богословием образуют слова, без которых не совершить надлежащим образом никакого дела”. В “Катехизисе Великом” сильны были просветительские позиции автора, в значительной степени был представлен материал познавательного характера. Это дало повод для резких возражений со стороны церковников: “Потом грехом ему, что, Лаврентий, в твоей книге о божестве и о существе его писаны вопросы и ответы дерзостно и зело смело...”

Большую роль в развитии славянского языка сыграла “Грамматика словенские правильное синтагма” М.Смотрицкого. Кирилл и Мефодий на основе греческого алфавита и с учетом родного языка разработали славянскую азбуку, М.Смотрицкий разработал славянскую грамматику. Он писал: “Большая польза грамматики для греческого и латинского языков известна; чтобы со временем и в славянском подобное подтверждение было, старательный учитель, будет зависеть от вашего усердия...” Славянская грамматика, по мнению ученого, большую пользу для славянского языка может принести, научить писать по-славянски, писать отдельно, легко понимать прочитанное, по ней при необходимом старании в школах будут читаться славянские лекции. “При таком вашем старательном усердии... обещаю скорое в народе нашем возвышение понимания, употребление и пользу славянского языка”, — писал он.

Белорусский книгопечатник и просветитель Спиридон Соболев всю свою сознательную и творческую жизнь посвятил книгоиздательской деятельности и просвещению. Он издал много книг, предназначенных для учебных целей. Впервые употребил термин “букварь”, издал “Букварь”, способствуя расширению письменности среди народа. Крупнейший книгопечатник своего времени, С.Соболев был достойным продолжателем просветительской деятельности Кирилла и Мефодия, Ф.Скорины, И.Федорова.

Видный просветитель и издатель, всю жизнь посвятивший распространению знаний среди славян, И.Ф.Копиевский выступал как автор, составитель, переводчик и редактор. Им были написаны, подготовлены, переведены на русский язык более 20 книг, в том числе по грамматике, арифметике, истории, географии, навигации. “Более 20 книг написал я на славу твоего пресветлейшего царского величества и на всемерную пользу Великороссийского государства.” — писал он в письме Петру I от 18 декабря 1699 г.

Педагогические воззрения И.Ф.Копиевского были прогрессивными, цель жизни он видел в распространении знаний среди народа славянского, разъяснении юношам важности и необходимости образования, подчеркивал значение разностороннего образования. Понимая важность овладения латинским языком для получения полноценного образования, он “для процветания и пользы народа славянороссийского напечатал сию книгу, предназначенную для овладения высокими науками, желающим юношам полезную и их увеселяющую совершенно”. Важную роль в образовании он придавал грамматике. “Тшетен есть всякий труд без грамматики, сочинил ее и разукрасил, сколь возможно было, тернистые грамматические толкования, при этом добивался я и истины в учении, краткости в действиях, разъяснений в примерах и образах, словом, пользы во всем. А также в конце этой книги на двух листах дан анализ грамматических форм... Через все части этимологии всякий юноша сможет одновременно

совершить грамматические действия, разрешить (проанализировать) всякое имя и слово. Если некоторые юноши, все это получив, усвоят, то разум свой обогатят и геркулесовым дерзновением воспримут все науки,”—писал И.Ф.Копиевский. С целью распространения знаний о навигации он в 1698 г. перевел с латинского языка на великоросский диалект “Книгу, учащую морского плавания”. Круг научных интересов просветителя был широк: языки, навигация, история, арифметика. Всякий юноша, утверждал Копиевский, должен с усердием и дерзновением прилежно учиться различным наукам. Он помогал развитию просвещения издательской деятельностью: им напечатаны “Краткое и полезное руковедение в арифметику”, “Введение краткое во всякую историю по чину историческому от создания мира ясно и совершенно списанное”, издана первая русская карта звездного неба.

Белорусский общественный деятель, педагог И.Г.Кулаковский придавал большое воспитательное и познавательное значение изучению “прекрасного, благозвучного и великолепного языка древних славян”. Он считал, что “язык сей как в отношении филологии, законоведения и истории, так, наконец, и в отношении поэзии представляет обширное поприще для исследований. В сем богатом источнике славянин-филолог почерпнуть может обильные сокровища для усовершенствования наречий, имеющих общее происхождение. Законоведец найдет существенное пособие относительно своих занятий в древних памятниках славянского законодательства. С помощью его историк дополнит недостатки и даст собственный характер народной истории. Поэт стихотворный язык украсит новою силою и блеском, соединенным с величайшею простотою. А исследователь и любитель славянских древностей вообще может усилить и умножить глубокие свои изыскания”.

Он настаивал на преподавании в общественных учебных заведениях, и в особенности в западных губерниях России, языка и древней славянской литературы, на привлечении

юношества к изысканиям и исследованиям славянского языка. Это, по его мнению, произведет сильное нравственное влияние на умы, ибо “опыт научает, что любитель археологических изысканий какого бы то ни было народа или языка необходимо проникается или некоторым образом воплощается, так сказать, в народ, сделавшийся любимым предметом его исследований”.

И.Г.Кулаковский утверждал, что “когда ученик выучится в начальных классах языку по общепринятым правилам, тогда обязанностью учителя будет обратить внимание его на красоты своего языка, на древнейшие памятники его словесности, на наречия, из оного пронстекающие, на причины, имевшие влияние на разделение оных и отдаление от первоначального языка”. Таковы были мысли просветителя “в отношении наук вспомогательных к оживлению в нашей стороне умирающей народности”.

Он считал также долгом сказать о том, что учебные заведения нуждаются в учебных книгах, которые должны служить указателями для преподавателей, и что составление, просмотр и приспособление книг к местным потребностям должно быть исключительно занятием ученого общества, удостоенного доверия и покровительства начальства или особого комитета для издания учебных книг. Этим И.Г.Кулаковский хотел поставить издательское дело на рациональную основу.

Стремление приблизить образование к народу, сделать просвещение доступным большинству побудило белорусских просветителей поставить обучение на родном языке. Ян Чечёт отмечал близость белорусского и русского языков. В белорусских песнях он видел “особую красоту, свежесть первооткрытия и лаконичность в передаче всех чувств”. Сборники белорусских народных песен считал важным средством просвещения, содействующим моральному прогрессу народа. Он подчеркивал, что старинные сказки, повести, пересказы, песни дают возможность узнать о чутких, красивых, тонких и глубоких чувствах народа, указывал на необходимость поправить упущения минувших веков и заняться составлением

грамматики и словаря белорусского языка. Ян Чечёт писал, что “надлежащее толкование языка... на котором некогда писали у нас государственные акты, целиком ляжет на плечи какого-то способного человека, возможно, крестьянина, который, получив образование, более глубоко рассмотрит хорошо известный ему язык...”.

П.М.Шпилевский также отстаивал самобытность белорусского языка. Белорусский язык он считал родным. Его он слышал в счастливое время младенчества и детства, когда добрая старушка-няня убаюкивала его сказками о шапочке-невидимке, о заклятых князьях и княжнах, о бабе-яге — костяной ногой. Это определило дальнейший путь просветителя. Ему пригодились и сказки, слышанные в детстве, и прибаутки, и пословицы, и разные поверья о духах, колдунах, чародеях и страшилищах некогда язычествовавшего русского народа. Он с пользой употребил “младенческое знакомство с этим древнерусским языком, на котором говорили главные племена славяно-русские: кривичи и дреговичи — и на котором писали на Руси многие акты и договоры, даже Литовский статут... Он теперь обращает внимание ученого русского мира: за то взялись серьезно и разумно в ученых кабинетах и на кафедрах... И не диво! Белорусский язык, преданья, поверья и сказки белорусцев стоят того: белорусский язык так самостоятелен, так характеристичен в археологическом и филологическом отношениях, преданья, поверья и сказки его так оригинальны, до того исполнены первобытной, древней поэзии славяно-русской, что при настоящем направлении и развитии у нас филологии и археологии становится необходимым исследовать и изыскать главный приют древней русской славянщины и познакомиться отчетливо с родоначальными ее элементами, сохранившимися в Белоруссии; изучая белорусский язык, преданья, поверья и сказки белорусского народа, мы изучаем язык, понятия и верования своих предков”.

Итак, белорусские просветители, восприняв идеи Кирилла и Мефодия, в значительной степени содействовали

распространению письменности, просвещения, образования и белорусской культуры.

*Яскевіч А.А., ст. навук. супрацоўнік,
Інстытут літаратуры
імя Янкі Купалы НАН Беларусі*

ДА ПРАБЛЕМЫ ЦЫКЛІЧНАСЦІ ПРАЦЭСАЎ ДУХОЎНАГА АДРАДЖЭННЯ Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ КНІЖНАСЦІ XVI—XVII СТАГОДДЗЯЎ

У пару вольнага складвання старабеларуская мова развівалася па класічным узору з апорай на кніжныя мадэлі царкоўнаславянскай мовы. І заўсёды часы найбольшага росквіту нацыянальнай культуры супадалі з працэсамі асабліва плённага звароту і інтэнсіўнага засваення кірыла-мяфодзіеўскіх традыцый.

“... Мы неяк прызвычаліся атаясамліваць Рэнэсанс з Італіяй, напэўна, ад занядання культуры, гісторыі славян, бо сама ідэя Адраджэння нарадзілася ў Візантыі ў XII стагоддзі (значна раней за Італію) як рэстаўрацыя традыцыйных мадэляў духоўнай і моўнай чысціні” [Picchio P. On Russian Humanism: The Philological Revival // Slavia.— Praha, 1975. Roc. 44. Ses. 2.— P. 166].

Пачатак і росквіт гэтай выдатнай рэлігійна-культурнай з’явы, асабліва плённай на тэрыторыі Беларусі і іншых праваслаўных земляў Вялікага княства Літоўскага, прыпадае на эпоху першага і другога паўднёvasлавянскіх уплываў.

Напрыклад, першы паўднёvasлавянскі ўплыў, ля вытокаў якога стаялі святых салунскія браты Кірыла і Мяфодзій, іх вучні Клімент Ахрыдскі, Навум, Чарнарызец Храбр, Іаан Экзарх, абумовілі “залаты век” культуры Першага (часоў цара Сімяона) і Другога (цара Асена II) балгарскіх царстваў. І не толькі ў Балгарыі, а і сярод іншых славян.